

СЕРГЕЙ РЕШЕТОВ

ГИЛЬОТИНА ДЛЯ ФАНИ

**НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ
И СМЕРТИ ФАНИ КАПЛАН**

Сергей Решетов

**Гильотина для Фани.
Невероятная история жизни
и смерти Фани Каплан**

«Автор»

2015

УДК 83-31=161.1 (470+571)
ББК 63.3-8Каплан Р 472

Решетов С. А.

Гильотина для Фани. Невероятная история жизни и смерти Фани Каплан / С. А. Решетов — «Автор», 2015

Роман Сергея Решетова «Гильотина для Фани» охватывает период времени с начала XX века до 70-х годов. В центре повествования – эпизод покушения на В.И. Ленина, совершенный эсеркой Фани Каплан на заводе Михельсона в 1918 году и казненной впоследствии комендантом Кремля Мальковым. Факт общеизвестный, но... слишком много белых пятен. Однако после публикации архивов КГБ СССР стало возможным пролить свет на эту запутанную историю. На основе этих фактов автор развивает интригу, выстраивая острые, порой парадоксальные ситуации. Как в калейдоскопе сменяются времена, страны, люди. Живые, запоминающиеся образы заставляют читателя переживать вместе с героями. С первых страниц и до конца книги автор держит читателя в постоянном напряжении, а многоплановый сюжет вызывает неподдельный интерес.

УДК 83-31=161.1 (470+571)
ББК 63.3-8Каплан Р 472

© Решетов С. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвёртая	24
Глава пятая	26
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Решетов
Гильотина для Фани. Невероятная
история жизни и смерти Фани Каплан
посвящается НАТАЛИИ

Пожелание читателю (вместо эпиграфа)

«Давайте жить так, чтобы даже гробовщики оплакивали вашу кончину»
Марк Твен

Вместо пролога

Москва, 1963 год.

Подмосковье. Посёлок писателей

Каждое утро поселковые мальчишки развлекали себя тем, что прилипали к дырам в зелёном, покосившемся от времени заборе соседа-старика, у которого, как говорили старшие, «не все дома». Они ждали выхода во двор «чокнутого» и его страшного пса. Пустые консервные банки на верёвочках уже были развешены по забору, оставалось только дожидаться появления главных действующих лиц.

Как только пёс вставал на задние лапы и облизывал макушку хозяина, пацаны с воем и гиканьем начинали дёргать за верёвку. Банки громыхали, а пёс лаял и носился, как одержимый, вдоль забора. О старике в посёлке говорили разное, но все сходились на том, что он бывшая «шишка», может быть, даже и генерал, поскольку каждую неделю чёрная «Волга» привозила ему продукты.

Старик ни с кем не общался, гостей не приветчал, и жил бобылём. Но свет в его кабинете, порой, горел до утра. И в чём-то проницательный местный народ был прав.

В последние годы генерал страдал бессонницей, его мучили галлюцинации и ночные кошмары. В поликлинике ЦК ему выписали целую гору таблеток, которые он сначала, по старой привычке, заменял доброй рюмкой коньяка на ночь. Но с годами понял, что врачи всё-таки правы. Не правы они были, по его мнению, только в одном, когда после обследования у психиатра дали заключение: «Маниакально депрессивный психоз... как следствие психологического переутомления за годы службы и многолетнего стресса».

Семёнов знал, откуда «растут ноги» этого диагноза. Партийное руководство было разочаровано негативным мнением генерала о проведении, например, фестиваля молодёжи в Москве, XX съездом партии, а его реплика: «Мы в Архангельской области сажали кого надо, а они сажают кукурузу», – стала хитом в кулуарах власти и, судя по всему, той самой последней каплей. Поэтому рапорт об увольнении ему подписали, как говорится, «не глядя». За генералом оставили служебную «Волгу», пайки, поликлинику и невероятно большую по тем временам пенсию, наверное, для того, чтобы меньше разговаривал. И, напрочь забыли о существовании Героя Советского Союза.

Теперь галлюцинации редко тревожили опального генерала, лишь приходили ему видения из полуголодного, дореволюционного детства – побои отца и похороны матери, это он помнил хорошо. Однако чаще всего ему снилась фигура человека в цилиндре и длинном дорогом сюртуке. Опираясь на трость, он медленно, словно призрак, исчезал в предутреннем, густом петербургском тумане, будто и не существовал вовсе. Но бумажка в руках мальчишки, на которой был каллиграфическим подчерком написан какой-то адрес, говорила: это не мираж и не привидение, а реальный человек. В чём он и убедился, найдя указанный в записке дом. На его фасаде была не очень заметная, скромным шрифтом обозначенная надпись: «ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ».

Сегодня под утро ему приснился совсем другой, необычный сон. Он увидел, как из камеры выводят двух женщин, надевают им на головы мешки и ведут по гулкому, скользкому от сырости и плесени коридору на улицу. Там, у красной кирпичной стены, человек в тельняшке и кожанке трижды выстрелил из маузера одной из них в голову. Потом затолкал труп в огромную бочку с бензином и, медленно прикурив папиросу, бросил в нее спичку, которая летела, казалось, целую вечность. Огромный всполох пламени высветил чёрную машину, которая стояла в самом углу кремлёвского гаража. Другая женщина уже сидела в ней и, подслеповато щурясь, с ужасом смотрела на огонь.

Даже во сне генерал чувствовал и помнил этот омерзительный, смешанный с бензином, сладковатый запах горящей человеческой плоти. Повинуясь инстинкту, на самом краю дремлющего подсознания, он понимал, что нужно срочно уезжать, но тронуться с места не может – ноги его почти по колено вросли в землю.

Маленький карлик-уродец за рулём, с огромной головой и белёсыми ресницами над выпученными глазами, будто издевается над ним – он сигналил громко, на весь двор. При этом мерзко смеётся, гримасничает и всё давит и давит на этот проклятый клаксон. Просыпаясь, почти прогнав остатки ночного кошмара, генерал понял, что разбудил его гудок пригородной электрички. Совсем близко, на стыках застучали колёса, и он механически отметил про себя: «семичасовая, Нарофоминская. Пора».

В дверь дачи что-то тяжело ударило, и раздался то ли вой, то ли собачий лай. «Лордушка требует еды и прогулки», – проговорил вполголоса генерал, по старой привычке ещё в постели размял мышцы рук и ног, встал и пошёл умываться. За годы одиночества и забвения он научился разговаривать сам с собой, да вот ещё с Лордом. Когда-то этого щенка привёз ему из Якутии в подарок один его курсант. Семёнов несколько лет после ухода на пенсию преподавал в Военно-дипломатической академии. Это была помесь хаски с волком.

Со временем щенок превратился в огромного, остроухого пса с пронзительными голубыми глазами. О его свирепости в посёлке ходили легенды. Генерал накормил Лорда, выпил свой утренний чай и запил минералкой «эту мерзость» – целую горсть разноцветных таблеток. Лорд сидел рядом и неотрывно следил за каждым движением любимого хозяина своими удивительными, почти человеческими глазами. Потом по графику у них был обычный дневной променада, «обход периметра».

Дачу эту в посёлке писателей, с гектаром земли и огромными, вековыми соснами, Семёнов получил перед самой войной. Просто в канцелярии Лубянки ему вручили ордер, он распечатался, а потом въехал в неё со всем своим нехитрым холостяцким скарбом. Дача оказалась просторной, с огромной библиотекой и старой дорогой мебелью.

Единственный недостаток он ликвидировал сам – сделал вторую, потайную дверь с выходом в сад, к маленькой, незаметной за кустами сирени, калитке. А на «секретные» работы нашлись двое умельцев из Тулы, неведомо как прибившиеся к этому посёлку. По слухам, они отслужили срочную службу в стройбате совсем недалеко от посёлка, да так и остались здесь надолго.

Помогали дачникам во всём – крыли крыши, ставили заборы, чинили любую технику, очень любили выпить, но руки у этих славных ребят оказались золотыми. Вход в тайную «обитель» генерала они закрыли книжным шкафом и, главное, наглухо вмонтировали волшебный сейф Семёнова в кирпичную стену.

Петрович, вечный помощник генерала, неделю поил этих бедолаг водкой, после чего взял да и отвёз их, будучи сам в сильном подпитии, на аэродром в Тушино, где и загрузил в самолёт к полярникам. И не исключено, что на фотографиях, которые появились в газете «Правда», флаг СССР на второй Арктической станции, поднимали ещё не совсем протрезвевшие именно эти ребята.

Теперь, если нажать потайную кнопчку за плитусом, шкаф бесшумно отъезжал в сторону, и за спиной хозяина так же, практически неслышно, вставал на место. На отдельной полке книжного шкафа стоял маленький портрет в простой деревянной рамке, с него улыбалось милое девичье лицо в будёновке. «И как один умрём, в борьбе за это!», – звучал у него в ушах куплет с того прощального митинга, когда она уходила на фронты гражданской войны и пропала где-то под Перекопом. Генерал был однолюб и любил эту девушку всю свою жизнь. Конечно, у него были женщины, и даже долгие необременительные связи, но жениться и завести семью он так и не решился.

Огромный пёс с лаем носился между сосен и таскал для хозяина палки, мячи, ветки – всё, что в большом количестве было разбросано по участку. День занимался солнечный, воздух был густым и упругим – у генерала было явно приподнятое настроение и абсолютно ясная голова.

Лорд это чувствовал. Он подбегал к хозяину, вставал на задние лапы и пытался лизнуть его своим шершавым языком в зеркальную макушку, поскольку в этой позиции был на голову выше хозяина. В эти минуты Лорд чувствовал себя самым счастливым псом на свете. Затем, как обычно, загромыхали банками местные мальчишки и Лорд бросился охранять вверенный ему участок. Генерал зашёл в дом, надел старенькие очки и оторвал листок: «Всё правильно, сегодня 30-е августа», – будто споря с кем-то, проговорил генерал и посмотрел вверх, словно где-то там были в состоянии отменить этот наиважнейший для него день. «А сон-то, в руку», – усмехнулся про себя генерал.

Уже много лет генерал-лейтенант Семёнов встречал этот день с особым чувством внутреннего покоя и предощущения праздника, который был посвящён только ему и никому больше. Наверное, так, лично, радуются больные в известной клинике Кащенко, на которых неожиданно, после укола снизошла благодать и покой. Или верующие в утро Святой Пасхи, отстояв перед этим тяжёлую ночную службу в храме.

Но генерал не верил в Бога, у него было своё Евангелие, которому он подчинялся неукоснительно и следовал ему всю свою длинную и грешную жизнь. Семёнов нажал на кнопку, шкаф привычно открыл кабинет – его храм. Здесь не было свечей и икон, зато был огромный сейф. Ах, что это был за сейф! Дорого, очень дорого дали бы партийные бонзы прошлого, да и настоящего тоже, только за то, чтобы содержание этого волшебного стального ящика вдруг испарилось, сгорело, исчезло во времени.

Генерал вошёл в кабинет и всё, что он делал дальше, напоминало некий таинственный ритуал, который он выполнял нарочито медленно, будто хотел продлить удовольствие как можно дольше. Он снял чехол с кинопроектора, осмотрел его, сдул несуществующую пыль с мотора и катушек, тщательно протер объектив. Рядом на стеклянный журнальный столик поставил початую бутылку армянского коньяка, принёс из кухни блюдечко с нарезанным лимоном и рюмку, которую, внимательно посмотрев на свет, тщательно протёр идеально белой салфеткой.

Отступил на шаг, он внимательно осмотрел «поле боя» и, видимо, остался доволен. При этом генерал мурлыкал что-то невнятное про утёс на Волге – эту песню он помнил с детства, врал при этом безбожно, поскольку ни голоса, ни слуха Бог ему не дал. Напевая про выброшенную за борт княжну, Семенов достал из шкафа свой генеральский мундир с золотой Звездой Героя на груди и надел его перед зеркалом.

Оттуда на него смотрел старый, абсолютно лысый человек с выцветшими от времени глазами и склеротическим румянцем на щеках. Семёнов налил рюмку коньяка: «Ну, будь здоров, генерал!», – выпил, закусил лимончиком и подмигнул своему отражению в зеркале: «Не дождётся! Мы ещё пошумим». Потом набрал код и открыл дверцу своего волшебного сейфа, где хранилось его прошлое.

Он нащупал и извлёк из недр своего хранилища круглую жестяную банку. На крышке красовался серп и молот. «Леденцы от Моссельпрома», гласила крупная надпись. Сбоку на приклеенной бумажке ещё одна полустёртая запись: «30-е августа. 1918 год. Завод им. Михельсона (копия). Оператор А. Лифшиц». Генерал открыл крышку и, как некую хрупкую драгоценность, достал из коробки небольшой рулон чёрно-белой плёнки.

И вспомнился ему тот вечер в машине Свердлова, накануне митинга, когда он получал от шефа последние инструкции. Утверждали, как говорил шеф, «жертвенную корову», и выбор пал на Марию Спиридонову. А что? Известная террористка, эсер, одним словом, для подставки её биография была в самый раз.

Ясно, как будто это было вчера, Семёнов увидел, как мимо машины прошла девушка, остановилась, резко обернулась и глаза их встретились. Конечно, она узнала и его и Свердлова, а это означало только одно – девушка только что подписала себе смертный приговор. Решение в голове Семёнова созрело молниеносно. «Эх, Фани, Фани, и какой чёрт занёс тебя в этот вечер на Смоленку?!».

Генерал уверенно заправил плёнку в проектор, потушил настольную лампу и нажал кнопку «пуск». Пошла плёнка, характерно затрещала перфорация, по экрану вкривь и вкось задёрнулись первые, засвеченные оператором кадры. Генерал всегда очень нервничал, когда видел эти первые, бракованные кадры и панически боялся, что вот так всё и будет до конца, и он ничего не увидит. Корил себя потом каждый раз: «Бред, психопат, к психиатру», но сделать с собой ничего не мог.

И сейчас он не на шутку нервничал, начал потеть, и, наконец, «Вот! Вот они!!», – судорожно прошептал он. По экрану бегали рабочие, собирались в толпу, которая на глазах росла и росла, они спорили и что-то горячо обсуждали. Затем пошла крупно надпись – завод им. Михельсона. «Так, все на месте... Вон Петрович уже на исходной позиции, а где Фани, чёрт, где она?», – кричал он уже почти в голос. Генерал опять, как и пятьдесят лет назад руководил своей первой, пусть неудачной, и, как оказалось, самой важной в своей карьере операцией.

Опять у него горели щёки, колотилось сердце, словно он хотел именно сейчас что-то исправить. Это доставляло ему физическое, почти плотское наслаждение. На экране заволновалась толпа, подъехала машина, из которой вылез маленький лысоватый человек. Он забрался на подиум и, размахивая руками, что-то кричал рабочим. Опять пошёл брак, плёнка с пустыми кадрами дергалась и, казалось, вот-вот порвётся. «Да что же это такое! – уже во весь голос кричал генерал, – он уже заканчивает!», и в раже грохнул кулаком по столу.

И тут же появилась картинка – Ленин спустился к рабочим и о чём-то с ними говорил, энергично жестикулируя руками. «Всем на исходную!», – взревел генерал, и сразу увидел на экране себя молодого, даже рассмотрел капли пота на лбу. Ленин уже двинулся к машине. «Фани, будь ты проклята, где же твой зонтик?!», – ага, вот она, испуганно озирается и, о Боже, наконец-то, открывает свой зонт. «Стреляй, Петрович, ведь уйдёт!», – Семёнов уже вскочил с кресла и истошно кричал во весь голос: «Люди, людишки! Как же они мешают!».

Видно, как поднимает руку Петрович и стреляет, только звук перфоратора комментирует эту картинку. Наконец, сейчас, вот он, Семёнов стреляет – Ленин падает. «Есть!!!», – кричит генерал и чуть не прыгает от восторга. Попал! И опять пошли те же бракованные кадры, и край плёнки бессильно повис на верхней катушке. Наступила мёртвая тишина.

Семёнов сидел весь мокрый, совершенно без сил, с нездоровой испариной на лбу. «Надо..., надо было мне стрелять первому», – в который уже раз говорил себе генерал. И тогда бы не этот лысый трепач, а серьёзные люди взяли власть в свои руки, и не было бы этого позорного Брестского мира с немчурой, да и, наверняка, второй войны с ними тоже не было бы.

Просмотр отнял у генерала все силы. Он едва дотянулся до бутылки, и прямо из горлышка отправил всю, без остатка, в некогда бездонное нутро. Сон медленно и неотвратимо овладевал им. Как гигантский удав, он заглатывал генерала и тот постепенно и неотвратимо проваливался в его бездонную, чёрную пасть. Последнее, что он успел зафиксировать в своём затухающем сознании, как далёкое эхо: «Эх, Фани, Фани! И какой чёрт занёс тебя в тот вечер на Смоленку...».

Часть первая

Глава первая

1906 год. Киев. Центральный военно-окружной суд

Зал суда постепенно заполнялся публикой, и было видно, что сегодня будет рассматриваться особое дело. О нём уже целую неделю говорил весь Киев. Слухи, один невероятнее другого, как волны катились от гостиницы на Подоле, расшибались о твердыню великой Софии, и растекались по мелким мощёным улочкам города ручейками разговоров и предположений о приговоре.

Всё дело было в том, что всероссийское цунами террора докатилось и до Киева: покушение на генерал-губернатора Сухомлинова испугало и встревожило весь город. Многие пришли посмотреть на главную героиню этого спектакля, поглазеть на главную террористку. Она сидела в железной клетке, будто маленький, затравленный зверёк под охраной полувзвода жандармов.

Лицо её хранило ещё не зажившие следы от ожогов, ссадин и явных побоев. Фани почти ничего не видела, лишь на слух воспринимала одобряющую или негативную реакцию зала, который к началу заседания уже был забит до отказа. Из уст в уста в зале передавались подробности взрыва в гостинице на Подоле, о том, что террористке нет и шестнадцати лет и, разумеется, то, что она еврейка.

Открылись боковые двери и оттуда показались три фигуры: одна в тяжёлой чёрной судейской мантии, две другие в полевой военной форме. Зал встал и замер в ожидании приговора. Судьи о чём-то долго шептались, затем встал председательствующий и зачитал приговор: «Военно-окружной суд города Киева приговорил Фани Каплан, урождённую Фейгу Ройтблат к смертной казни через повешение!».

По залу прокатился недовольный гул, председательствующий откашлялся, выпил воды из хрустального стакана и продолжил: «Но, по Высочайшей милости, и, учитывая юный возраст подсудимой, заменить смертную казнь на пожизненное заключение». Фани, конечно, услышала текст приговора, а также то, как его слушал, затаив дыхание, зал. И услышала, как он облегчённо выдохнул после части второй.

Нужно сказать, что большинство жалело эту маленькую девочку просто, по-человечески. Да и градоначальника, засланного из Петербурга, народ киевский не любил.

А дальше был многомесячный колодный тракт в знаменитый Акатуйский Централ. На многочисленных «пересылках» о жестокости и зверствах директора Нерчинского центра фон Кубе даже опытные каторжанки говорили с дрожью в голосе.

Прошло десять лет...

Долгие холодные ночи меняли короткие дни, проходили недели и месяцы. Времена года нехотя, словно издеваясь над этими измученными людьми в робах и кандалах, меняли друг друга и тянулись одной безликой ненавистной чередой. Иногда тягостные дни в камере прерывались, и Фани с подругами по камере вывозили на работы. Это были свинцовые рудники, но чаще женщины работали в прачечной – стирали солдатское, да и своё бельё, а потом сушили его во внутреннем дворе тюрьмы.

Вечерами, как всегда, была баланда на ужин и отбой, свет в камере гасили точно по распорядку в девять вечера. И начинались длинные ночные рассказы и пересуды о жизни на воле, о неудачных замужествах, байки о мужиках, всякие скабрзные подробности личной жизни.

Вслух подсчитывали «сиделицы» дни, месяцы и годы до окончания срока, будто каждая из них и так не знала, сколько таких ночей она ещё проведёт в этой камере.

Фани подсчитывать было нечего, её бессрочное наказание должно было закончиться вместе с её жизнью, она давно свыклась с этой мыслью и жила только одним днём. Будущего у неё не было, и она вспоминала свою прошлую жизнь, семью, дом, погибшую в огне черносотенцев сестру, да ещё мерзавца Яшку Каплана, который бросил её обожженную и полуслепую в гостинице на Подоле, а сам бежал, как крыса.

Случались в этой бесконечной череде беспросветных и глухих ночей и минуты веселья, когда Авдотья, «чёрная вдова», рассказывала о том, как уморила всех своих шестерых мужей: «Уж и не помню точно, не то четвёртый мой муж это был, не то третий, но мужик был из себя видный, сам гробовщик, но по мужской части, бабоньки, совершенно бесполезный. Ой, бабы, шнурок от ботинка и то был толще его мужского достоинства. Я ему говорю, да тебя в цирке за деньги надо показывать, а ты всё гробы свои делаешь, с себя бы лучше мерку снял, пока не поздно...». Сокамерницы смеялись до слёз и каждый вечер ждали продолжения «сериала».

Лето 16-го года выдалось на редкость жарким и влажным, и бригады каторжанок, которых отправляли в лес для заготовки ягод и грибов на зиму, страдали ещё и от полчищ комаров, слепней и мошкары. Но всё равно, попасть на такие работы считалось большой удачей. Охранников было всего двое, поскольку считалось, что бежать отсюда всё равно некуда – до ближайшей деревни было вёрст триста, да и то через сплошные болота и топи.

К тому же, все знали, что за малейший проступок фон Кубе наказывает батогами или, не приведи Господи, ледяным карцером. Пожизненный срок тянули только Фани и её подруга по камере, знаменитая террористка Мария Спиридонова. По старой тюремной традиции сиделицам с пожизненным полагались некоторые привилегии.

Сегодня старшим охранником был назначен Афоня, сорокалетний бугай, который перетаскал в кабинет своего шефа молодых каторжанок без счёта, да и сам был не прочь иногда позабавиться с изголодавшимися без мужской ласки сиделицами. Афоня подложил под голову седло и, отгоняя назойливых комаров веткой, дремал на этой, «будь она проклята», жаре.

С берестяным коробом на поляну вышла Фани и, увидев целое семейство белых грибов, начала азартно собирать их, напевая что-то из неизвестного Афоне репертуара. «Пой, ласточка, пой, – вспомнил подходящий куплет и Афоня, – вот ты и попалась». Он знал, что нижнее бельё каторжанкам не полагалось и тихо, играючи, подкрался к Фани со спины. Эту позу, с его лёгкой руки, друзья-охранники называли «бобром», когда во время акта каторжанка зубами впивалась в какую-нибудь огромную ветку, «ну, чтобы не кричала», – комментировал потом Афоня.

Но в этот раз номер не прошёл. Когда огромный Афоня сзади навалился на Фани, она невольно ухватилась за стоящую прямо перед ней старую высохшую сосну. Старый сук обломился, и она инстинктивно, что было сил, ударила им бугая в пах. Афоня с изумлением взглянул на торчащий из живота сук, который оказался острым, как боевой штык и от неожиданности и боли взревел, как смертельно раненный зверь. Шатаясь, добрёл до лошади, вытащил из кобуха свою «трёхлинейку», выстрелил в воздух, и рухнул на землю.

Несколько километров до тюрьмы Фани тащили на верёвке, привязанной к седлу вороной кобылы фон Кубе. Всю дорогу Фани старалась не отставать, бежала, падала, много метров её тащили по земле, затем подручные фон Кубе поднимали её и заставляли бежать снова и снова. Все обитатели Нерчинского централа были выстроены во дворе тюрьмы.

Фон Кубе говорит пламенную речь в стиле римских патрициев: «Я здесь Цезарь и я ваш император!», – кричит он. Ходуном ходит и волнуется под ним чёрная вороная кобыла. «Покушение на жизнь моих подданных – это личное оскорбление и, конечно, наказание за это одно – смертная казнь!». Он объезжает глухо молчащую толпу каторжанок. «Это будет урок всем вам, всем тем, кто ещё не понял, что в этой глуши я и Царь ваш и Бог! Фани Каплан посмела

покуситься на жизнь одного из моих помощников. Двое суток ледяного карцера», – объявляет фон Кубе свой приговор.

В толпе опытная Авдотья тихо прошептала Марии: «Здесь больше суток никто не выдерживал».

Фани сажают в карцер – ледяной каменный мешок, в котором можно только стоять. Через двое суток её, потерявшую сознание и обмороженную, принесли в камеру охранники.

Фани чудом удалось выжить, в сознание она пришла уже в тюремном лазарете. Доктор Петров, из недоучившихся студентов-медиков, сделал всё, чтобы она встала на ноги. Фани была ему симпатична, и он старался продержат её в лазарете как можно дольше. Ему это удалось, ибо он находился под особым покровительством начальника тюрьмы фон Кубе, которого регулярно снабжал морфием.

Где-то ударил тюремный колокол, это значит, что в тюрьме очередной покойник. В это хмурое февральское утро Мария подошла и села на кровать Фани. «Нужно прекращать эту бессмысленную пытку, подруга». Часами она убеждает Фани в том, что их скотское существование здесь, в Центrale, дальше бессмысленно и недостойно звания человека. Сделав из хлебных мякишей человеческие фигурки и, накинув им на шею верёвочки, репетирует их будущую смерть. «Не будет больше унижения и боли, только покой и умиротворение. Разве ты не этого хочешь, Фани?». И этот день настанет. Полуживые, в кандалах, они привязывают бечёвки к решёткам окна. Мария надевает петлю на шею сначала себе, потом Фани.

От грохота и стука оловянных мисок о железные двери камер содрогнулся Нерчинский Централ. Тюремная почта, самая быстрая почта в мире, сообщала: «Свобода! В Петрограде революция!». Обе женщины беззвучно плачут. Грянул 1917 год.

Через несколько дней Мария и Фани получили от начальника тюрьмы документы за подписью Александра Керенского. Из них было ясно, что освобождаются только политзаключённые. Они получают большие льготы от Временного правительства и крупные денежные компенсации.

Прощались подруги на грязном и шумном читинском вокзале, где опытная Мария купила Фани ридикюль в дорогу, некоторые необходимые женские вещи, и в привокзальном туалете спрятала пачки «керенок» в самые «надёжные» места под её платьем: «Путь долгий, воруют по вагонам нещадно, будь осторожна, – напутствовала она подругу, – отдохни в Крыму как следует, – Мария тайком смахнула слезу, – да и приезжай ко мне в Москву, найдём для тебя дело, я ведь привязалась к тебе, как к родной. Правда, Фани, поклянись, что приедешь!». Фани и не пыталась прятать свои слёзы, зарылась лицом в грудь Марии, и только судорожно кивала головой. Ах, если бы они знали, чем закончится их следующая встреча...

Глава вторая

Крым, Евпатория. Март 1917-го года

Фани показалось, что она попала в сказку, о которой помнила ещё с детства. Она ехала в таксомоторе, который нещадно коптил на поворотах, и не верила в происходящее. Две недели назад в Чите ещё лежали метровые сугробы, а здесь было жарко, солнечные блики слепили её, а в открытое окно врвался незнакомый солёный морской воздух. Фани закрыла глаза и подумала: «Тыква превратилась в таксомотор». Платье на бал лежало в ридикюле, слева проносилась бескрайняя голубая гладь моря, чайки кричали свои бесконечные песни, а шеренги кипарисов, словно почётный караул, сопровождали её карету. Она хотела загадать желание, но не тут-то было. «Дом Политкаторжанина» – это на Пушкинской, рядом с монастырём мормонов. Что в этом вашем доме творится?! Вертеп, какой-то!», – болтал без умолку, не закрывая рта, таксист, – весь город только об этом и говорит. Даже мормоны разбежались и детей своих попрятали, чтобы на срам этот не смотрели!». Рёв двигателя заглушал его слова и, закрыв глаза, Фани просто наслаждалась этой сказкой.

Одиннадцать лет каторги, проведённые в Нерчинском центральном, унижения, тяжёлые работы на свинцовых рудниках, пытки и ледяной карцер не только почти лишили Фани зрения, но и, как казалось ей самой, убили в ней всё человеческое. Она даже не знала точно теперь – женщина ли она. Даже этот главный, данный Богом, первородный инстинкт угас в ней, казалось, навсегда.

Машина резко затормозила перед сереньким двухэтажным особняком. Фани, ещё плохо соображая от нахлынувших на неё чувств, вышла из машины, взяла свой ридикюль и рассчиталась с таксистом. На крыше некогда «барского» дома висел, местами порванный, огромный кумачовый транспарант – «Дом политкаторжанина». Фани вошла в длинный и узкий, как кишка, коридор, в конце которого на длинном шнуре болталась одна-единственная лампочка.

Кругом была грязь, кое-где даже были выбиты стёкла, всюду валялись обрывки старых газет, окурки, а под ногами хрустело стекло. Из-за дверей слышались нетрезвые мужские голоса и похотливый женский смех. Она поднялась на второй этаж, который, как небо от земли, отличался от первого.

Здесь стояла кожаная дорогая мебель, диваны и кресла, толстая ковровая дорожка с восточным орнаментом посередине простиралась до конца коридора, по стенам висели репродукции классиков и красивые, старинной работы бра.

Было видно, что второй и первый этажи до сих пор находятся в стадии революционной конфронтации и классовая борьба в этом отдельно взятом особняке ещё не закончена.

На одной из дверей Фани увидела красивую бронзовую табличку: «Ульянов Дмитрий Ильич. Главный врач здравоохранения Республики Крым». На её робкий стук в дверь отозвался зычный, красивый баритон: «Войдите!». В кабинете было пусто, только за кипельно-белой ширмой журчала вода.

Фани растерянно остановилась у стола, на котором лежала гора папок с личными делами пациентов, бумаги и кипа свежих газет. Дмитрий Ильич появился из-за ширмы неожиданно, на мундир военврача царской армии был накинута белая халат. Из-под золотой оправы дорогих очков насмешливо смотрели большие карие глаза. И руки он вытирал по-особенному, идеально белым полотенцем, так, как это умеют делать только профессиональные хирурги.

«Ваши документы», – негромко произнёс он, сел за стол и стал внимательно читать её направление. И, будто отвечая на её немой вопрос, сказал: «Здесь всегда была идеальная чистота и порядок, но пришла новая власть и первый этаж отдали людям, вы их ещё увидите на пляже, которые почему-то любят дефилировать нагишом при всём честном народе.

Жить в этом дерме им, вероятно, привычнее». Потом удивлённо оторвал взгляд от бумаг: «Серьёзные у вас покровители! Раздевайтесь!».

Фани сняла блузку, которую они сторговали с Марией у привокзальных барыг ещё в Чите и повернулась спиной к доктору. «Дышите.... Не дышите... Лёгкие, как ни странно, в норме... Повернитесь...». Карие глаза доктора стали едва ли не больше оправы его золотых очков, он изумлённо смотрел на её грудь.

Фани словно кипятком ошпарили, она вспомнила, куда спрятала Мария первый увесистый пакет с «керенками». Он торчал из бюстгальтера, как охапка осенних листьев. Фани с ужасом вспомнила, где хранился ещё один такой же пакет, и её бросило в пот. Но всё обошлось. Ульянов через лупу посмотрел белки её глаз, недовольно хмыкнул, заглянул в рот, постучал по колену молоточком. Коротко бросил: «Одевайтесь», – и сел за стол что-то писать. «Каков был ваш приговор?»

«Смертная казнь, через повешение...». Дмитрий Ильич с изумлением поднял голову от бумаг... «Заменили на пожизненное заключение, – как бы ответила Фани на его немой вопрос, – всего отбыла одиннадцать лет, пять месяцев и четыре дня, – отрапортовала она.

«Что же, для этого срока вы почти молодцом, даже удивительно. Хотя, этот ваш доктор, Петров, когда-то ходил у меня в учениках, очень способный молодой человек. И лечил вас правильно. А глазками вашими займёмся позже».

Дмитрий Ильич выдернул листок из блокнота и протянул его Фани: «Грязевые ванны, солнце, море и много фруктов. «Пока всё», – сказал, будто отрезал Ульянов, – до свидания. Когда за Фани закрылась дверь, Дмитрий Ильич быстро подошёл к окну и распахнул настежь обе его огромные створки. Закурил сигару. «Чёрт знает что! Этот тюремный запах неистребим, его невозможно спутать ни с чем! Кошмар, хуже, чем на фронте».

А Дмитрию Ильичу Ульянову было с чем сравнивать. Три года он провёл на Западном фронте, заведя военно-полевым госпиталем. Там он повидал всякое – газовые атаки немцев, спал по два часа в сутки, вскрывал гнойные раны, извлекал пули и осколки, без счёта «под спирт, на живую» ампутировал конечности, а бесчисленному количеству нижних чинов и офицеров помочь был не в состоянии. Они умирали прямо у него на операционном столе.

Он прошёл через все ужасы войны, но к этому «каторжному» запаху привыкнуть так и не смог. «Наверное, он пропитал у них даже внутренние органы», – думал Ульянов. Дмитрий Ильич загасил сигару, и тут же забыл о только что заходившей новой пациентке. Сегодня вечером в местном театре знаменитая гастрольная труппа Кориша давала «Сильву».

В коридоре, близоруко щурясь, Фани посмотрела направления, которые выписал доктор Ульянов. Первое было на грязевые процедуры, а второе в гостиницу, где ей, оказывается, полагался отдельный номер. В самом верху каждого листочка красовалась печать и герб Крымской республики, а после текста направления подпись: главный врач Республики Крым – Ульянов Д.И.

Незаметно и быстро полетели первые, счастливые после каторги дни беззаботной курортной жизни. Сказка продолжалась, новая жизнь вихрем закрутила Фани и понеслась вскачь. Тёплые, упоительные вечера сменялись прогулками на парусных лодках и весёлыми дружескими вечеринками в гостеприимных ресторанах Евпатории.

Ещё в грязелечебнице Фани познакомилась и подружилась с Екатериной Ставской, светской петербургской львицей и «дважды» вдовой, «роскошной женщиной» – по словам другого их приятеля, молодого художника Сергея Абросимова. Ещё к их компании прибился, словно бездомная собачонка, трогательный и маленький Абраша Лифшиц, который работал в студии самого Ханжонкова и снимал здесь по заказу «новой» власти фильм о том, как хорошо теперь живут и поправляют здоровье бывшие жертвы проклятого царизма.

Абраша хоть и не вышел ростом, влюбился в Фани окончательно и бесповоротно. Стоило только где-то появиться Фани, как тут же следом появлялась тренога и камера, а потом воз-

никал и её хозяин. «Фани, замрите на минуточку, теперь улыбнитесь! Прекрасно! Даже Вера Холодная вам не конкурентка!», – кричал восторженно влюблённый Абраша.

Вечерами компания гуляла у моря, сидела в маленьком, но дорогом ресторане «Лидо», болтали, смеялись и Фани возвращалась к жизни. В её огромных чёрных, как драгоценный агат, глазах появилось загадочное мерцание, которое так нравится мужчинам, она постройнела, загорела и кожа её стала упругой и обласканной морем.

Фани становилась вызывающе привлекательной и расцветала прямо на глазах. Обязана она была этим не столько волшебному крымскому климату, сколько своей новой подруге Екатерине Ставской, которая в первый вечер их знакомства заявила своим бархатым контральто: «Я сделаю из тебя человека! Всё равно, ты свою кучу «каторжных» денег здесь не потратишь».

Всю свою неуёмную энергию она бросила на посещение с Фани парикмахерских, дорогих магазинов одежды и обуви и, конечно, нескольких французских парфюмерных лавочек. Попутно научила её некоторым женским премудростям, типа «макияж и маникюр».

Шла весна семнадцатого года, по ночам до одурения пахли магнолии, лаванда и эвкалипт, уже распустились каштаны и морской бриз навевал только одно слово – любовь. В такие волшебные ночи у Фани начинало сильнее и чаще биться сердце и, если бы об этом узнал доктор Ульянов, то непременно бы поставил диагноз: «Вы начинаете выздоравливать». Но Дмитрия Ильича она больше не видела, только иногда ей снился насмешливый взгляд его карих глаз из под золотой оправы.

В один из таких вечеров Екатерина привела Фани к своему парикмахеру, затем заставила её одеться «как полагается», и в последний раз оглядела Фани – так художник осматривает свою почти законченную картину. Нанесла последний штрих – достала из своего гардероба маленькую, модную шляпку с кокетливой вуалеткой и осторожно, чтобы не испортить причёску, надела её на голову Фани.

Отошла на несколько шагов и довольно проворковала: «Если бы твой портрет писал Серёжа Абросимов, он назвал бы его «Незнакомка», как Крамской и имел бы такой же успех у публики».

«Сегодня ни одна собака не узнает в этой даме каторжанку Фани Каплан», – подумала Катя, и они вышли на набережную. Успех подруг у фланирующей по набережной и скучающей публики в основном мужского пола, был оглушительным. Желающих познакомиться с «Незнакомкой» было без счёта, но Екатерина изящно и с юмором «отшила» всю эту толпу надоедливых поклонников.

«Не смей оборачиваться, – шептала она Фани на ухо, – и не забывай о походке». И они продолжали свой триумфальный путь под ропот приветствий и комплиментов, а когда свернули с набережной в тенистую аллею кипарисов, вслед им прозвучали аплодисменты. Екатерина чувствовала себя победительницей, ибо за труды свои была вознаграждена сполна.

Фани была растеряна и счастлива, словно маленький ребёнок, который впервые в жизни попал на неожиданно прекрасный праздник. Они присели на скамейку, закурили и, смеясь и перебивая друг друга, обменивались впечатлениями от первого выхода Фани в «свет». Светила, и будто подмигивала им, полная луна.

Они хохотали, по выражению Кати, «как две счастливые дуры», обсуждали «этих идиотов» и снова, будто «смешинка в рот попала», смеялись до слёз. «Вот только ноги на этих каблуках устали, – пожаловалась смущённо Фани и сняла туфли, – с кандалами и то проще было ходить». «Не расслабляйся, девочка, ничего с твоими ногами не будет, иди босиком. Сейчас держим курс туда, где собирается действительно приличная публика», – решительноскомандовала Екатерина.

Перед входом в ресторан, откуда доносились звуки модного фокстрота, неясный гул голосов, звон посуды и потрясающий запах шашлыков, Катя ещё раз осмотрела свою «Незнакомку», заставила её надеть туфли, которые Фани несла в руках. «Там снимешь опять, под сто-

лом не видно», – и явно осталась довольна этим осмотром. И словно с капитанского мостика боевого крейсера прозвучало её неподражаемое контральто: «Полный вперёд!»

Оркестр только что отыграл фокстрот, и две пары, гордо, под аплодисменты прошли к своим столикам. Екатерина и Фани остановились в центре зала и отыскивали глазами свободный столик. С противоположной стороны зала, ловко лавируя между столиками, к ним на всех парах нёсся администратор и ещё издали кричал: «Боже мой! Екатерина Андреевна, какая честь!». И при этом так отчаянно жестикулировал, словно большего счастья у него в жизни не будет никогда. Расшаркиваясь, и, с каким-то присвистом извиняясь, он снял табличку «занято» с центрального стола и галантно усадил за него дам.

Тут же, будто из под земли, за их спинами возникли две фигуры официантов. «Шампанское, трюфели, устрицы», – не повернув головы, скомандовала Катя. Пока на кухне чудоповара будут колдовать над этим заказом, стоит сказать несколько слов о Екатерине Ставской.

Будучи по происхождению знатного дворянского рода, она в данный период своей жизни, как говорила сама Екатерина, была «дважды» вдовой. Её первый муж – Фёдор Ставский – был адмиралом российского флота, ходил в полярные экспедиции, много воевал и героически погиб во время русско-японской кампании 1905 года.

Оставшись вдовой, будучи ещё совсем юной особой, Екатерина убивалась и носила траур недолго. Слава Богу, флот российский всегда славился своими красавцами офицерами. Но поразила всех эта неординарная девушка не вторым своим замужеством, а выбором нового избранника.

Иван Губенко много лет служил под началом её мужа третьим помощником, был молчалив и угрюм по характеру и, несмотря на свой богатырский рост, ничем особым среди прочих не отличался. Только по праздникам во время застолий в капитанской кают-компании, смотрел на нее таким обжигающим взглядом, что Кате становилось не по себе. От этого взгляда её охватывала сладкая жуть.

Иван Губенко на долгие годы стал её опорой и защитой, в которой она, впрочем, не очень-то и нуждалась. Её маленькая крепкая, будто из стали, ладошка отпечаталась на многих щеках морских ловеласов. Цену себе она знала всегда.

В семнадцатом году Губенко перешёл на сторону большевиков, чем вызвал ненависть всего офицерского корпуса Кронштадта, возглавил матросский комитет крейсера «Аврора» и вместе с матросом Огневым дал тот самый холостой залп по Зимнему дворцу. И если Бог миловал Ивана всегда, даже позволил ему выжить в Цусимской катастрофе, то морская братва не простила его, и он получил таки свою пулю на одном из митингов в Питере. И вот в это лето Катя, по старой памяти, решила отдохнуть в Крыму. Путёвку ей, как вдове красного командира, привезли из Смольного прямо домой.

А сейчас стол был уже накрыт и одновременно с выстрелом пробки «в потолок» из бутылки «Клико», грянул джаз. Фани впервые в жизни слышала эту диковинную музыку, её босые ноги под столом невольно двигались в такт с оркестром. Середину зала заполнили танцующие. «Вон видишь, – почти кричала ей Катя в ухо, – вон тот с усами, – это главный чекист Крыма, сволочь редкая. А вон там, в углу – Ульянов, главный врач, сегодня опять в мундире царской армии, ничего не боится... Говорят, его брат в Питере руководит всей этой чернью, мне пишут о нём ужасные вещи».

Фани почти не слушала Екатерину, что-то происходило внутри неё – хотелось рыдать и смеяться одновременно. Она видела тени танцующих вокруг неё пар, они, как призраки, скользили мимо и исчезали в полумраке зала, как мираж в пустыне. Как во сне, она видела себя со стороны в этом призрачном мире. «Этого не может быть со мной, я сплю... сплю...».

«Разрешите?», – этот баритон Фани узнала бы из тысячи. Зарыдал, заплакал о чём-то далёком и несбыточном кларнет. Фани повернулась к Екатерине и беспомощно посмотрела на неё. «О, Дмитрий Ильич! Какая честь!», – контральто Екатерины почти перекрывало оркестр.

И потом прошептала Фани: «Иди босиком, а то ноги переломаешь на этих каблуках, и не будь дурой!».

Дмитрий и Фани медленно плыли среди густого табачного дыма, неясного гомона голосов, не замечая никого вокруг.

– Должен извиниться перед вами, я вел себя безобразно, простите меня. Хотите, я прямо здесь встану перед вами на колени?

– Я вас уже давно простила, забудем об этом...

– У вас удивительный аромат духов, целый букет волшебных запахов...

Потом он рассказал ей о том, как американский матрос из Нового Орлеана влюбился в местную крымчанку и остался здесь навсегда. Это он привёз эту мелодию и научил местных музыкантов джазу... Мелодия называется «Petite fleur». «Маленький цветок», – перевела за него Фани.

Но слова уже ничего не значили для них. Они отгородились от мира невидимой стеной, он перестал для них существовать. Оркестр давно ушёл на перерыв, а они всё плыли, а скорее, как им казалось, парили над залом.

Со стороны это было похоже на сеанс общего гипноза. В зале наступила тишина. Зачарованно смотрела на них Екатерина и подсевший к ней за столик Сергей Абросимов, из дальнего угла обречённо наблюдал за ними бедный Абраша, да и все присутствующие, вдруг что-то поняли про эту пару.

Отрепённо, не замечая ничего вокруг, они пошли через весь зал к выходу. Фани так и шла босиком под одобрительные улыбки мужчин и завистливые взгляды женской половины зала. Оркестр грянул марш «Прощание славянки». Фани шла босиком и не чувствовала под собой ни земли, ни морской гальки, ни острых иголок пахучих крымских сосен. Она вдруг поняла, что ещё жива – горят лицо и ладони, а давно забытое тепло разливается по всему телу, обжигает, поднимается выше к горлу и вискам, где жадно пульсирует и бешено бьётся кровь.

Виновником этого события, думается, следует считать кларнет, который, как некогда дудочка одного мифического персонажа, помог нашим героям найти друг друга в потёмках и кривых переулках их непростой перевернутой жизни.

Дмитрий Ильич занимал скромный, двухэтажный, ничем не примечательный особняк недалеко от пляжа. Он очень бы удивился, узнав, что через десяток лет сюда будут водить толпы туристов и показывать им мемориальную табличку, которая гласила: «Здесь с 1916 по 1920 год жил и работал Дмитрий Ильич Ульянов, старый большевик, соратник и родной брат Владимира Ильича Ленина». Но пока туристов и таблички на доме не было, и они с Фани, не включая света, поднялись на второй этаж.

То, что происходило этой ночью в спальне доктора Ульянова мы описать не берёмся, поскольку не присутствовали при этом, и надеемся исключительно на фантазию нашего читателя. Потом, правда, много поговаривали о коротком замыкании в эту ночь на электрической подстанции города Евпатории, а некая уборщица рассказала, как прямо на её глазах замигала и перегорела одинокая лампочка в доме политкаторжанина.

В ресторане «Лидо» тоже на короткое время погас свет и даже погас знаменитый древний маяк на берегу Каламитс-кого залива. А кроме этого, вдруг разом закончилась вода во всех колонках города.

Естественно, это дело взяли на контроль в городском комитете и крымском ЧК. Единственное, что стало известно достоверно от вдовы штабс-капитана Попова, дом которой стоит прямо на берегу, это то, что далеко за полночь счастливая парочка плескалась прямо под её окнами «в чём мать родила».

Они выпивали, занимались любовью и резвились, как малые дети, прямо под её окнами. Вдова, конечно, не рассказала, какая зависть, а точнее ненависть переполняла её, одинокую, добропорядочную женщину. А дело было так. Вдова долго стояла у окна и с ненавистью смот-

рела на утеху влюблённой парочки: «Опять этот Ульянов резвится с очередной каторжанкой!», – злобно сказала она своему попугаю, который надолго пережил своего хозяина. Вдова Попова так громко захлопнула окно, что чуть не вылетели стёкла. «Пусть слышат», – злобно просипела она попугаю, как будто он был в чём-то виноват.

Потом с ненавистью разобрала кровать, взбила перины и поместила на них своё дебелое, истосковавшееся по мужской ласке тело. «Стар-р-рая бядь! Стар-р-рая бядь!!», – голосом штабс-капитана пожелал ей спокойной ночи пернатый матершинник из клетки. «У-у-у, гад!!! – взревела вдова и метнула в него свой тапок, – такая же сволочь, как и твой хозяин!». Погасила торшер, зарылась лицом в огромные подушки и подушечки и горько заплакала. Штабс-капитана вдова любила до сих пор. И очень сильно.

Утром следующего дня по городу пошли слухи самого невероятного свойства. Поговаривали даже о нечистой силе, которая появилась в городе. Говорили также, что смотритель маяка видел турецких террористов, которые, будто бы, приплыли на немецкой подводной лодке и взорвали эту самую подстанцию.

Безымянная уборщица утверждала, что своими глазами видела, как взорвалась единственная лампочка в ведомстве доктора Ульянова, и чуть не сотворила там целый пожар. Да ещё вдова штабс-капитана Попова подлила свою порцию сладкого масла в огонь сплетен и домыслов.

В очередях на рынках и в магазинах она клятвенно заверяла сограждан в том, что видела голого доктора Ульянова своими глазами у себя под окном, когда он занимался любовью с очередной новой каторжанкой. Так же она готова была поклясться на чём угодно, что видела у доктора на нужном месте хвост, правда небольшой. «А шерстью он покрыт от самого горла до пяток, как обезьяна, поэтому и носит свой царский мундир «под горло», чтобы её видно не было».

Одним словом, городок бурлил, слухи множились один невероятнее другого, и передавались из уст в уста. Так закончилась первая ночь любви Дмитрия Ульянова и Фани Каплан.

Между тем, сухая статистика утверждает, что короткие замыкания на евпаторийской электрической подстанции происходят регулярно – один раз в два года, а перебои с пресной водой здесь случаются ещё со времён первого крымского хана. Так что бурные любовные страсти, которые бушевали этой ночью в спальне Дмитрия Ильича Ульянова, скорее всего, к вышеизложенным мистическим событиям никакого отношения не имели.

А евпаторийский пляж жил своей жизнью. Агитаторы новой жизни развернули транспарант: «Долой стыд!» и активно советовали бывшим узникам царизма скинуть с себя не только проклятые оковы, но и одежду. При этом предтечи будущих нудистов лихо демонстрировали это на собственном примере и сверкали всеми не успевшими загореть голыми местами, которые, нужно сказать, производили на присутствующих весьма жалкое впечатление.

Ветерок разносил по пляжу соблазнительный запах свежих чебуреков и шашлыков, «Массандра» и шампанское из царских подвалов лилось рекой, день начинался весело и правильно. Штатный аккордеонист Аркадий наяживал своё попури – дикий музыкальный винегрет из народных песен, фрагментов популярных опер, скабрёзных частушек и салонных романсов из репертуара Вертинского.

Крымское солнце жгло нещадно, и к обеду публика пребывала уже в сильно приподнятом настроении. Именно в это «удачное» время и появились на пляже Дмитрий Ильич и Фани. Пройти на пляж инкогнито им, конечно, не удалось. Они попали не только под объектив камеры Абраши, но и под любопытные взгляды обитателей всего пляжа.

Всё-таки старания вдовы штабс-капитана Попова не пропали даром и, похоже, «сарафанное радио» Евпатории сработало на полную мощь. В голубом, свободном платье, в тёмных очках, будто не касаясь земли, лёгкой походкой шла счастливая Фани рядом с Дмитрием Ильи-

чём, появление которого в яркой, свободной рубаше кроя «апаш», заморских сандалетах на босу ногу и парусиновых матросских бриджах вызвали аплодисменты всей честной компании.

Даже Абросимов отвернулся от своего мольберта и поднял большой палец вверх. Фани и Дмитрий театрально раскланялись, будто актёры после удачной премьеры. Фани заморозило, как работает Сергей – первый раз в жизни на её глазах рождалась картина. На полотне, как в волшебной сказке, возникало ярко-бирюзовое море, одинокая рыбацкая шаланда, сквозь парус которой был виден кровавый диск солнца. «Словно из него сейчас пойдёт кровь», – подумала Фани. Она хотела спросить художника, почему в лодке никого нет, но постеснялась. Абросимов отошёл на несколько шагов, прищурился, удовлетворённо кивнул головой, будто соглашаясь с кем-то внутри себя, резко подошёл к мольберту и надписал картину: «ПРЕДЧУВСТВИЕ» Евпатория, 1918 год. С. Абросимов», и тоже получил свою порцию аплодисментов. «Серёжа, вы гений», – Екатерина поднялась, подошла к Абросимову и одарила его долгим и совсем не товарищеским поцелуем. Фани захлопала и рассмеялась – она искренне желала счастья своей подруге. «Сегодня я угощаю», – смущённо проговорил польщённый художник и подарил Екатерине многообещающий взгляд. Вот так безоблачно и счастливо текла жизнь Фани Каплан в солнечной Евпатории.

С Дмитрием они практически не расставались, и каждый следующий день своей жизни Фани считала подарком судьбы, и даже молилась иногда ночами о том, чтобы сон этот продлился как можно дольше.

Через три недели Дмитрий Ильич отвёз её в Симферополь, в клинику своего приятеля, знаменитого офтальмолога Гришмана. Операция прошла удачно, Дмитрий звонил каждый день и даже приезжал два раза, хоть и не вылезал из командировок. Когда доктор осторожно, в тёмной комнате, снял с её глаз повязку, Фани поразились чёткости и яркости окружающих её предметов, лиц, и поняла, наконец, разницу между той действительностью, в которой она привычно существовала до сих пор, и этим ярким, волнующим и новым миром.

На прощание Гришман рекомендовал ей не снимать чёрных очков: «Солнечный свет вреден для вас, годика, эдак, через три, потребуется ещё одна операция, надеюсь, последняя, – ещё раз оглядел Фани с ног до головы, – передайте господину Ульянову, что у него хороший вкус». Фани на прощание расцеловала Гришмана, вышла и села в поджидающий её таксомотор.

Она даже и предположить не могла, где, когда и в какой стране состоится их новая, трагическая встреча. А пока она возвращалась в Евпаторию, заранее представляя встречу с Дмитрием. Фани, конечно, расскажет ему о том, что теперь она видит каждую не застёгнутую пуговицу на его мундире, пепел от сигары, который он постоянно роняет на стол, его глаза, и даже сама теперь сможет прочесть записки, которые он оставляет ей каждый раз перед отъездом в командировки.

Фани взяла ключи от своего номера у полусонного дежурного и поднялась к себе на второй этаж. Бросила тяжёлую сумку на кровать и подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрела яркая, стриженная под модное «каре» и одетая со вкусом женщина. «Приве-е-ет, Фани!». И, собираясь вздремнуть, добавила: «Прощай, Фа-а-ани!». Будто попрощалась...

Фани ещё не знала, что накануне вечером пришло письмо, которое самым роковым образом перевернёт и сломает всю её жизнь. Оно дожидалось её под дверью, и Фани только теперь заметила его. Сердце защемило от предчувствия беды, дышать стало трудно. «От кого мне ждать писем?», – думала она. И, уже зная отправителя, нагнулась, подняла конверт и сразу посмотрела на обратный адрес. Что ж, интуиция её не подвела – это был адрес в прошлую жизнь: «Москва. Отправитель Мария Спиридонова».

«Дорогая Фани!

Товарищи сообщили мне, что здоровье твоё в полном порядке и ты, как будто, даже влюблена. Хочу сообщить тебе, дорогая подруга, что я тоже влюблена, но люблю я Россию,

которую опять надо чистить от всякой большевистской грязи, налипшей на святое дело нашей борьбы. Помни о нашей клятве. Мы с товарищами ждём тебя в Москве. Твоя Мария Спиридонова».

Будто и не было операции у гениального Гришмана – закрутилась и поплыла куда-то комната, стол, стулья, окна. Фани даже не плакала, она выплакала все слёзы ещё на каторге. Просто внутри неё была гулкая пустота, где опять раздался звон тюремного колокола и давно забытое прошлое опять вернулось к ней. «Опять в Централье покойник», – механически подумала она. «Закончился твой сон, Фани», – и она почему-то вспомнила картину Абросимова «ПРЕДЧУВСТВИЕ», так он её подписал.

Силы оставили её и она почувствовала, что ноги не держат тоже. Она еле дотащила своё, вдруг ставшее чужим тело, до кровати и потеряла сознание. Фани не слышала, как постучалась и вошла Екатерина, не видела, с каким изумлением она раз за разом перечитывает письмо от Марии. Катя долго сидела на её кровати и внимательно, словно впервые, рассматривала лицо Фани. Она успела полюбить эту заблудшую, но чистую душу.

Фани пришла в себя неожиданно, удивлённо посмотрела на Катю:

– Я долго спала? – спросила она чужим, севшим голосом.

– Часа два. Скажи, Фани, какое отношение ты имеешь к этой грязной террористке Спиридоновой?

– Эта грязная террористка трижды спасала мне жизнь в тюрьме. Если бы не она, я бы там и года не протянула... Понимаешь, Катя, у нас, каторжан, свой кодекс чести. Теперь я у неё в долгу, и если Мария просит приехать, я должна быть рядом с ней. Тебе этого не понять.

– Что мне сказать Дмитрию, когда он вернётся?

– Скажи ему, что я обязана была уехать, и... что я очень его любила....

Этим же вечером на вокзале Фани ждала московский поезд. Проводить приехала Екатерина и убитый горем Абраша. Объявили посадку. Женщины молча обнялись и заплакали. Фани подошла к Абраше, погладила его, как маленького ребёнка, по голове: «Прощай, малыш и не поминай лихом свою «Веру Холодную», – и поцеловала его в небритую щёку. Прозвенел гонг дежурного по станции. «Опять звонят», – подумала Фани. И ещё она подумала о том, что никогда больше не увидит этих милых её сердцу людей.

Но через несколько лет выяснится, что жизнь способна преподносить и не такие сюрпризы.

Глава третья

В Москве Фани ждала маленькая, но уютная квартирка в доходном доме Тихомировых на Большой Молчановке, которая начиналась на Поварской, а заканчивалась почти напротив ресторана купца Тарарыкина «Прага», который недавно был переименован в столовую «Моссельпрома».

Мария обо всём позаботилась, она же познакомила Фани с товарищами эсерами и руководителем ячейки неким Семёновым. Приняли её хорошо, и, учитывая, что из месяца в месяц живот Фани всё больше выдавал её интересное положение, работой её особенно не загружали.

Она перепечатывала прокламации, ходила на собрания, где эсеры обсуждали методы борьбы со своими основными конкурентами в борьбе за власть – большевиками и кадетами. Вот на одном из таких сборищ у Фани и начались схватки. Мария и Семёнов отвезли её в родильный дом, который находился на Большой Молчановке, № 5 и где, по счастью, этой ночью дежурил доктор Грауэрман, любимец и кумир многих московских мамаш.

Роды были преждевременными и тяжёлыми, но всё обошлось. Волшебные руки доктора знали своё дело. Утром, когда ей принесли показать дочь, Фани разглядела только её смутный силуэт, зрение резко ухудшилось. На другой день заехали Мария и Семёнов, Фани узнала их скорее по голосам и подумала: «А вот и крёстные...». Семёнов взял малышку на руки, высоко поднял над головой: «Пополнение в наших рядах! Как назовём будущую революционерку?». От неожиданности Фани даже села на кровати. А действительно, как? И, не думая, произнесла – Натали...

– Натали. Так и запишите, – приказала Мария сестре.

– А фамилия отца? – спросила сестра.

– А фамилии отцов, как, впрочем, и они сами, для нас, эмансипированных революционеров значения не имеют! – назидательно ответила ей Мария.

Следующие полгода у Фани были заняты счастливыми хлопотами. Зрение почти восстановилось, Натали подрастала и Фани каждый день замечала, как менялась дочь, начинала «улюкать», стала узнавать мать и тянуть к ней свои ручки.

Товарищи эсеры почти не трогали её, поскольку знали, что оставить дочь ей не с кем. Как матери-одиночке ей полагалась коляска и теперь они с Натали подолгу гуляли по тенистым улочкам старой Москвы. Однажды она зашла на почту и заказала Евпаторию. На счастье Екатерина оказалась в гостинице и подошла к телефону. Фани рассказала ей о Натали и умоляла ничего не сообщать Дмитрию: «Не хочу обременять его ничем». Катя коротко рассказала о том, что Дмитрий Ильич после её отъезда стал сильно пить, Абросимов с Абрашей давно уехали. «Теперь в Крыму белые, и она, наконец, встретила своё счастье: он красавец, генерал и любит меня до сумашествия», – гудело контрольно Екатерины в трубку. На прощание всплакнули. На том и расстались.

Шёл знойный и душный август восемнадцатого года. Власть уже окончательно перешла к большевикам, многие товарищи эсеры переметнулись на их сторону, и Семёнов ходил мрачный и злой. Как-то в конце месяца к Фани забежала Мария, принесла продукты и рассказала о завтрашней акции. «У завода имени Михельсона, что в Замоскворечье, завтра на митинге будет выступать Ленин. Мы должны сорвать этот митинг, но нас совсем мало, тебе придётся прийти. Сдай Натали на один день в приют, потом заберёшь. Тебе нужно будет по знаку Семёнова открыть зонтик, чтобы все разом дружно освистали этого большевистского трепача».

Фани подошла к дому, на котором болтался на ветру плакат «Приют для одиноких пролетарских матерей» уже под вечер. Спустилась по разбитой лестнице в полуподвал и открыла ногой дверь, обеими руками прижимая к груди Натали. В нос ударил запах прачечной, мочи

и сырости. В полутёмной, паркой комнате никого не было, стоял стол без скатерти и на нём зелёная лампа. Фани стало страшно – вот так оставить чужим людям своего ребёнка? Её охватил безотчётный страх, заныло вещее материнское сердце, и она повернулась, чтобы, нет, не уйти, а убежать отсюда.

Тотчас из полутьмы комнаты раздался каркающий голос: «Ты куда, гражданочка?», – и появилась старуха в красной косынке и грязном белом халате, – а ну, вертайся! Что же вы все молодые пугливые такие, а?», – достала амбарную книгу, помусолила губами карандаш и, всё время приговаривая – нарожают, невесть от кого, а потом пугаются..., спросила:

– Имя, отчество и фамилия?

– Натали... Дмитриевна....

Хотела сказать «Каплан», но вместо этого выпалила: «Дюпре...». Старуха изумилась:

– И кто ж такой этот Дюпре?

– Вождь французских коммунистов.

– Господи! Своих что ли не хватает? Вон их сколько, как собак нерезаных. Ребёночка когда забирать будете?

– Завтра утром, пораньше.

– Когда хотите, тогда и забирайте. Старуха сноровисто взяла Натали на руки и пропала во тьме комнаты. Оттуда раздался сначала плач девочки, затем один за другим заплакали остальные дети. Где-то там, в темноте звучал целый нестройный хор одиноких маленьких эльфов, и Фани явственно различала голосок своей дочери.

Она выбежала на улицу и вздохнула полной грудью. Сердце, как молот кузнеца, било в грудь и, казалось, вот-вот вырвется на свободу. Фани присела на скамейку, ноги отказывались слушаться. «Это ведь только на сутки, – уговаривала себя Фани, – завтра вечером заберу мою Наташеньку».

Незаметно стемнело, и на бульварах и Смоленской набережной зажгли фонари. Стало прохладно, и Фани немного успокоилась. Она неожиданно поняла, что торопиться ей сегодня некуда – дома её никто не ждёт. Она решила зайти на Смоленский рынок, купить свежего молока и творожок на завтра для Натали.

Недалеко от входа под фонарём стоял чёрный автомобиль, в нём сидели двое мужчин, которые что-то бурно обсуждали. Фани уже прошла мимо, но вдруг поняла, что один из них Семёнов. Она ещё раз оглянулась и рассмотрела другого. Буквально накануне, когда обсуждались детали митинга у завода Михельсона, Семёнов заявил: «Врага нужно знать в лицо!», и вывалил на стол целую пачку фотографий. «Вот – это Ленин, Троцкий, Бухарин, Луначарский...», – перечислял он фамилии и не назвал только одного, с последней фотографии. Именно он и сидел сегодня рядом с ним в машине.

«А вот этот человек, он кто?», – спросила Фани. Семёнов неохотно поднял фото, взглянул на него, словно видел впервые, и небрежно бросил: «Свердлов...», – и тихо, будто про себя, добавил, – Яков Михайлович...».

Конечно, Фани узнала его, она больше не оборачивалась, а наоборот ускорила шаг. На рынок идти она раздумала и свернула в переулок к своему дому. «Как же так, – думала Фани, – врага нужно знать в лицо, и теперь он сидит с ним в одной машине. Завтра расскажу об этом Марии, здесь что-то не так.

Конечно, из стана партии большевиков просачивались слухи о разладе в верхушке партии, пришла пора делить власть, которая так неожиданно свалилась им на голову. И Свердлов был одним из самых ярых, хотя и тайных, оппонентов Ленина. Спать Фани решила сегодня лечь пораньше, подошла к пустой кровати Натали и помолилась о её здоровье на ночь.

А в чёрной машине, на которую обратила внимание Фани, между тем, состоялся следующий разговор.

– У меня появилось другое предложение, Яков Михайлович. У Спиридоновой для нашего дела, конечно, подходящая репутация, но отдавать её сейчас на «заклание» не разумно. Она нам ещё пригодится. У нас есть Фани Каплан, тоже террористка, но неудачница, её жизнь не нужна никому, пусть хоть нашему делу послужит.

– Хорошо, товарищ Семёнов, решайте сами этот вопрос. Главное, чтобы завтра наш соратник погиб от руки врагов. Вот тогда мы с вами и развернёмся.

Глава четвёртая

На календаре, который висел в кухне чуть правее окна, было тридцатое августа. Фани долго и внимательно рассматривала его, там были Рождественские фото Парижа – Елисейские поля, Триумфальная арка, Парижская опера и много разных лиц, из которых она узнала только Наполеона. На фоне красной мельницы замерли девушки в корсетах и шляпках, в эротических и откровенных позах.

«Возьму и надену сегодня Катину шляпку, – подумала Фани, – вот удивятся товарищи эсеры». День тянулся каторжно медленно, выматывая душу, и Фани хотелось всё бросить, послать к чертям всех этих товарищей вместе с их митингом и бежать в приют, к Натали. Наконец она не выдержала и начала собираться, хотя времени до начала митинга оставалось немало.

«Пойду пешком, – размышляла Фани, – до Замоскворечья часа полтора, потом подойдёт Мария, расскажу ей про Семёнова, а там, глядишь, всё и начнётся. Подниму этот проклятый зонтик и сразу в приют». Когда она подошла к заводу Михельсона, народ был уже в сборе.

«Однако, с дисциплиной у большевиков всё в порядке», – подумала Фани. Поискала глазами в толпе знакомые лица: Марии ещё не было, зато увидела Семёнова и его совсем ещё молоденького помощника, которого все почему-то в шутку звали Петрович. У этого здорового и нескладного парня была удивительно большая голова и глаза навыкат, которые прикрывали абсолютно белые, будто навсегда выгоревшие на солнце, ресницы.

Справа от помоста в толпе работал оператор, он с охотничьим азартом крутил ручку своей камеры, потом хватал треногу и мчался на другую точку, что была повыше и снова, как одержимый, крутил ручку камеры. И Фани узнала его. «Господи! Да это Абраша, как он-то сюда попал!?!», – думала Фани и безуспешно махала рукой, пытаясь привлечь его внимание. Толпа заволновалась, и как волна по ней прокатилось: «Ленин... Ленин приехал...».

«Ладно, после митинга подойду к Абраше», – решила она. Сейчас ей казалось, что с той счастливой евпаторийской поры прошла вечность. Ленин начал говорить и наступила мёртвая тишина. «У него явно талант оратора, – подумала Фани, – какие они всё-таки разные с Дмитрием». Она посмотрела направо, туда, где стрекотала камера Абраши. Он победоносно, как маршал на поле боя, стоял и яростно крутил ручку своей камеры, словно наматывал происходящие события на невидимый барабан.

Ленин неожиданно быстро закончил речь, и тут Фани вспомнила о своей миссии. Она вскинула руку с зонтиком повыше, так, чтобы всем было видно, и раскрыла его. И вместо свиста, как гром, как обвал в горах, у неё над ухом прозвучали выстрелы. Народ бросился врассыпную, и Фани тоже побежала к остановке трамвая, которая была совсем рядом.

Трамвай не было минут двадцать, и тут подъехала чёрная машина, из которой выскочил Петрович, схватил Фани в охапку и бесцеремонно затолкал её на заднее сидение. «За это преступление, гражданка Каплан, вы ответите по всей строгости революционного времени», – прозвучал голос с переднего сидения. Человек в кепке повернулся к Фани лицом. Это был Семёнов.

Подоплёка этого события была следующей. Яков Михайлович Свердлов по характеру своему был человеком предельно скрытным, никто из товарищей по партии даже и не догадывался о чудовищном тщеславии, которое разъедало его изнутри.

В то время он был вторым человеком в партийной иерархии большевиков, а также и в государстве – он занимал вторую после Ленина должность председателя ВЦИК. Именно по его приказу была расстреляна царская семья. Теперь на дороге к абсолютной власти в этой огромной стране на его пути оставался только один человек – Ленин.

Роковой промах Семёнова стал «чёрной меткой» для Янкеля – так его звали товарищи по партии. Ответ последовал почти сразу. После выступления в 1919 году на митинге в Орле,

он вернулся в Москву совершенно больным, с диагнозом страшной болезни – «испанка». Откуда она взялась в городе Орле до сих пор остаётся загадкой. Абсолютно здоровый, тридцати трёх лет от роду, молодой человек вдруг умирает в течение трёх дней на руках лучших кремлёвских врачей.

Тайну этой смерти мы не узнаем никогда, хотя догадаться о её причинах несложно – не дремали верные ленинцы, единомышленники и товарищи по партии. Но главная сенсация ждала нас уже после его гибели, в личном сейфе председателя ВЦИК.

При его вскрытии была, как и полагается, составлена опись имущества, находившегося в недрах этого сейфа. Вот копия этой описи:

- 1. Обнаружено 108525 золотых монет царской чеканки.*
- 2. Золотых изделий с драгоценными камнями – 705 штук.*
- 3. Кредитных билетов на 750000 тыс. рублей.*
- 4. Семь чистых бланков паспортов.*
- 5. Девять паспортов на разные фамилии.*
- 6. Валюта иностранная – доллары, франки, лиры, марки в большом количестве (не подсчитано).*

Из этой описи видно, что всё просчитал умный товарищ Янкель, свой провал и крах всех своих наполеоновских танов и даже побег. Но, похоже, однопартийцы его оказались порасторопней. Всё это случится ровно через год.

А пока Семёнов вёз Фани Каплан на допрос в кремлёвские казематы, которые находились на территории Кремля совсем рядом с гаражом, в котором стояли машины, обслуживающие большевистскую элиту.

Глава пятая

Абрам подошёл к остановке, от которой только что отъехала чёрная машина и ему показалось, что в ней мелькнуло знакомое лицо. «Она тебе везде мерещится», – подумал он. Он, как настоящий охотник, добыл небывалый трофей, руки потели, от волнения его била дрожь. «Вот это сенсация! Скорее бы добраться до дома, проявить и посмотреть, что там получилось». А трамвая, как на зло, всё не было.

Толпа собралась большая, в основном бурно обсуждали митинг и стрельбу на нём. Какой-то малый в кепке доказывал с пеной у рта, что видел, как стреляла женщина в шляпке. Другие возражали: «Мужики стреляли, мы рядом были!».

Абраша не вмешивался в эти споры. «Приеду домой и всё увижу», – думал он. Подошёл трамвай, его брали штурмом.

Пока высыхала проявленная плёнка, Абрам не находил себе места. Как землемер, мерил он шагами свою маленькую лабораторию, где было всего две комнатки. В одной, тёмной была проявочная, здесь он работал – клеил свои плёнки, делал копии для кинотеатров и агитклубов. В другой – стояла его спартанская железная кровать, стол и печурка, которая зимой очень выручала.

Когда-то в этом подвале был сахарный склад, потом сахар быстро закончился и Абраму разрешили здесь поселиться. Он застеклил единственное окно, которое выходило на улицу, из него было видно только ноги прохожих, да закрыл толстым одеялом пологий люк, по которому грузчики когда-то спускали сюда кули с сахаром.

Его трясло от волнения. Он, Абрам Лифшиц, снял покушение, да на кого!? На самого товарища Ленина! «Такая удача выпадает нашему брату один раз в жизни», – думал он. И в сотый, наверное, раз щупал пальцами всё ещё мокрую плёнку. Абрам ещё не понимал, что плёнка эта, как мина замедленного действия, может взорваться в любое время и оборвать его и так не очень счастливую, бродяжью жизнь.

Наконец-то!!! Он вставил плёнку в проектор и нажал на «пуск». Съёмки вышли фрагментарно – он часто останавливал камеру и менял точку для неё. «Вот собирается народ, – это есть, – бормотал лихорадочно Абраша, – вот приехал Ленин, выступает, – это тоже есть. Ага, женщина в очках и шляпке поднимает зонтик, справа крупно двое стреляют в Ленина, народ разбегается – Есть!».

Абрам выключил проектор и попытался впервые за этот день успокоиться и поразмыслить. «Парень на остановке кричал, что стреляла женщина в шляпке, которая открыла зонтик...». Он ещё раз зарядил плёнку и остановил проектор на её крупном плане и, ещё не веря своей догадке, нацепил на нос очки и впился взглядом в экран. «Фани!?!», – ахнул он. Руки тряслись, сердце ухало, как филин, почему-то заложило уши.

«Господи, Фани... как тебя сюда занесло?», и тут же вспомнил, что должен завтра отдать этот материал на просмотр в политотдел Реввоенсовета. «Отдать вместе с Фани?», – подумал механически он, и бросился в проявочную комнату.

Через два часа копия была готова. Абраша нашёл старую, жестяную банку из под леденцов «Моссельпрома», тщательно завернул плёнку в нескораемую чёрную бумагу, и уложил в банку, которую, на всякий случай, спрятал за одеяло, в «сахарный» люк. И вовремя.

В окно подвала ударили сапогом так, что вылетели стёкла: «Открывай! ВЧК!!». Семёнов и Петрович с маузерами ворвались в подвал, будто ждали здесь засаду из роты белогвардейцев. «Где плёнка?», – Семёнов оглядел комнату, десятки жестяных коробок были сложены на полках и столах, ещё несколько пленок висело на верёвках под потолком, как выстиранное бельё.

«У меня приказ начальника реввоенсовета товарища Троц...», – договорить Абрам не успел. Петрович зажал его шею своей могучей рукой и стал душить. «Ну, еврейская морда,

где сховал плёнку от Михельсона, я ж тебя там видел?». Уже теряя сознание, Абрам ткнул пальцем в проектор.

Петрович, ухмыляясь, отпустил Абрама, ткнул маузером в бок: «Заводи свою бала-лайку!». Семёнов пристально, не отрываясь просмотрел всё от начала и до конца и надолго задумался. «Уходим», – коротко бросил он Петровичу.

Во дворе остановился, размотал рулон, закурил и поджёг плёнку. Извиваясь, как змея, она сгорела быстро, не оставив после себя даже пепла. Петрович недоумённо смотрел то на Семёнова, то на горящую плёнку, разводил руками, как глухонемой, и, наконец, разродился:

– А, ню... о то... с чем к начальству пойдём?

– А ни с чем, – зло ответил Семёнов, – сегодня они начальство, а завтра нет, а рожи наши с тобой там!

– Болван!

– А с этим жидёнком шо делать? Петрович кивнул в сторону подвала.

– А не шо, взорвался Семёнов. Пожар у них тут случился ещё до нашего приезда, видал, как эти плёнки горят? Вот и сгорело всё к чёртовой матери вместе с этой самой плёнкой, усёк?

Петрович бегом, на ходу почёсывая мошонку, эта болезнь у него была с детства, сбегал к машине, достал из багажника канистру и плеснул в окно. Семёнов ещё раз прикурил и бросил горящую спичку в окно подвала. Огонь занялся дружно, а когда дошёл до плёнок, загудел так, словно там внизу была мартеновская печь.

Евпатория. 1 сентября 1918 года

Дмитрий Ильич Ульянов нервно курил и в сотый раз, будто не веря своим глазам, снова и снова брал газеты, начинал читать и в ярости бросал их на стол. Аршинные заголовки кричали о покушении на Ленина. По всей стране прокатились митинги и демонстрации с одними и теми же лозунгами: «Смерть Фани Каплан!», «Уничтожим всех врагов советской власти!», «Да здравствует Красный Террор!».

Даже интеллигентнейший нарком просвещения Луначарский вдруг вспомнил о Французской революции. Он советовал поступить просто – поставить на Красной площади гильотину и публично, при стечении сотен тысяч трудящихся, отрубить Каплан голову. «Ибо жизнь товарища Ленина – это святыня и достояние всего революционного народа, в ней залог наших будущих побед!!!».

Диагноз Дмитрий себе уже поставил – шок. Не помогал даже чистый медицинский спирт. «Ах, Фани, Фани, что ты наделала! Зачем уехала в эту проклятую Москву, как же я тогда опоздал, это я во всём виноват!». Без стука, чуть не сорвав с петель дверь, в кабинет ворвалась разъярённая Екатерина. Её бил озноб и даже её знаменитое контральто, превратилось в сплошной шип. «Ты читал?! – она бросила в потолок кипу газет, которые разлетелись по всему кабинету, – ты ведь знаешь Фани, её просто подставили эти бандиты эсеры! Сделай что-нибудь, позвони брату, наконец, объяснись с ним.

Дмитрий молчал, он слишком хорошо знал своего брата. Екатерина вздохнула глубоко, как перед прыжком в воду. «Я скажу тебе правду и нарушу клятву, Фани родила тебе дочь... Так вот, если учесть, что твой братец бесплоден, а это знают все, то она – его единственная племянница. Так и скажи этому...!». И, уходя, так хлопнула дверью, что с ближайшего кипариса испуганно взметнулась стая ворон.

Глава шестая

После того, как объявили о том, что Фани Каплан расстреляна и останки её сожжены в бочке с бензином, в местах «не столь отдалённых» поползли слухи, один невероятнее другого. Например, некий Матвеев в Свердловской тюрьме уже в 1937 году утверждал, что Фани работала в канцелярии Сиблага. За шесть лет до этого её будто бы видели на Соловках, в библиотеке. Кто-то из старых каторжан встречался с ней на «пересылках» и даже знаменитый адвокат Натан Берман в приватной компании утверждал, что пил с Фани кофе в одном из ресторанов Швейцарии.

Достоверно известно также, что для проверки этих слухов НКВД назначил специальную комиссию, которая, естественно, пришла к выводу о том, что все эти слухи не имеют под собой «никаких оснований, а террористка Каплан действительно была казнена в 1918 году». К сожалению у этой комиссии не было допуска к заветному сейфу генерала Семёнова, где среди прочих артефактов того времени, хранилась телефонограмма следующего содержания:

«Совершенно секретно». Семёнову.

Сохраните жизнь Каплан.

Но справедливость должна восторжествовать.

Председатель ВЧК Феликс Дзержинский. 3 сентября 1918 года».

Скорее всего, эта телефонограмма была следствием тяжёлого разговора Дмитрия Ильича с братом после ухода Екатерины. Лидия Фотиева, секретарь Ильича, которая любила подслушивать под дверью его кабинета, потом обмолвилась, что уже на второй день после покушения, «недострелянный» вождь мирового пролетариата (Эх, Семёнов, Семёнов!) бежал по кабинету и о чём-то настойчиво просил Дзержинского.

После получения этой телефонограммы от шефа в голове Семёнова и родилась хитроумная, почти театральная комбинация, с мешками на голове вместо венецианских масок и заменой главных действующих лиц в этой пьесе.

Чуть позже, в одесском ЧК, он выправил Фани новые документы и заставил подписать согласие о сотрудничестве. Как бы между прочим, напомнил ей, что Натали остаётся у них и он, Семёнов, как крёстный отец девочки, обязуется «внимательно следить и ухаживать за ней».

На борт судна «Каледония», которое шло в Стамбул, она поднялась уже как Мария Дюпре, представительница международного Красного Креста. Семенов выдал ей еще «на случай непредвиденных обстоятельств» паспорт на имя Фейги Ройтблат, имя, данное ей при рождении, от которого она давно отвыкла.

В Стамбуле Фани работала связной, через неё Семёнов рассылал задания своим нелегалам по всей Европе. Нужно сказать, что к тому времени он уже возглавлял международный отдел ВЧК.

В немецкой частной клинике Фани слегка «подкорректировали» лицо, она сменила причёску и цвет волос, и если бы кто-нибудь из бывших сокамерниц, вдруг, случайно встретил её на улицах Стамбула, то не узнал бы нипочём.

Потянулись однообразные, похожие один на другой дни, недели и годы. Примерно один раз в месяц приезжали курьеры из Москвы, всё время разные. Голова у Семёнова работала гениально. Это он придумал операцию под кодовым названием «Жёлтая пуговица», она потом упоминалась в учебниках многих спецслужб мира.

Это было просто и гениально. Агент или курьер приходил на встречу с Фани обязательно в тройке – жилетке, чёрном пиджаке или смокинге. И в ряду чёрных пуговиц на

жилетке, третья снизу должна была быть жёлтой. И всё. Никаких тебе паролей, явок и прочих «славянских икафов».

Курьер оставлял кейс, который Фаны незаметно забирала и на этом всё заканчивалось.

В каждом таком кейсе в обязательном порядке были фотографии подрастающей Натали. Да и содержание было приличным, её банковский счёт не пустовал никогда. Семёнов своё слово держал крепко. Фани отлично понимала, что когда-нибудь эта синекюра должна была закончиться. И такой день наступил.

После очередной встречи она приехала в свою маленькую частную гостиницу, хозяином которой был француз Жан. Открыла портфель и достала конверт. На фото была Натали, она подросла и будто улыбалась матери. Одета была в приличную шубку, из рукавов которой болтались рукавички на резиночках. Фани заплакала. Она давно приказала себе не «распускаться» при виде фотографий дочери, но всякий раз не могла совладать с собой.

В шифровке от Семёнова был приказ немедленно внедриться в окружение генерала Эвельгрена, который был правой рукой Бориса Савинкова, это здесь, в белоэмигрантской среде знали все. Фани совершенно не представляла себе, как ей выполнить это задание, но его Величество случай опять был на её, вернее Семёнова, стороне.

Фани с Жаном, хозяином гостиницы, отмечали его день рождения в небольшом модном французском ресторане. Они давно были просто «подружки», ибо Жана женщины не интересовали. Фани, чтобы не забыть язык, говорила с ним только по-французски, что её вполне устраивало.

Рядом гуляли русские офицеры, которые ящиками поглощали французское шампанское и в лучших «гусарских» традициях предлагали присутствующим дамам поразвлечься. Приставали с неприличными предложениями ко всем подряд и, когда очередь дошла до Фани, она молча развернулась и вlepила пощечину какому-то особенно развязному корнету.

Вмешался Жан и завязалась драка, как это и положено у русских, с битьём посуды и даже стрельбой в потолок. Из соседнего зала, где солидные люди обычно играли в покер, вышел человек небольшого роста, с военной выправкой и в идеально сидящем смокинге. Гвалт и стрельба моментально прекратились.

Он подошёл к Фани и представился: «Генерал Эвельгрэн. Прошу прощения, мадам, за своих офицеров, они будут примерно наказаны. Я не потерплю подобного безобразия среди своих подчинённых». Это была невероятная удача. «Мария Дюпре, – представилась она в свою очередь, и протянула ему руку, – мой прадед был поставщиком двора Его Величества. Одиной, незащищённой женщине скучно в этом городе, просто некуда себя девать, поэтому я сегодня здесь».

Генерал взял её под локоть, отвёл в сторону и они разговорились. Этот человек покорял сразу какой-то своей необыкновенной харизмой, простотой и мужским обаянием. «Знаете, моя жена тоже умирает здесь от скуки и я не знаю, чем её развлечь, приходите к нам на Рождество, я познакомлю вас и, мне кажется, вы найдёте общий язык».

– Спасибо, почту за честь, – поблагодарила Фани.

– Мой ординарец заедет за вами, ещё раз примите мои извинения. Генерал галантно откланялся и вернулся в покерный зал к своим партнёрам. Фани не понимала, куда испарился её кавалер Жан. Поискала глазами и обнаружила его рядом с барной стойкой, где какой-то молодой человек перевязывал ему голову.

«Вам не больно, месье?», – спрашивал он ласково и нежно, тоном, каким обычно заботливая и любящая жена приводит в порядок своего сильно загулявшего супруга. «Ну вот, – подумала Фейга, – эти нашли друг друга». И со спокойной душой отправилась в гостиницу.

Адскую машину ей привезли под вечер в Сочельник Рождества Христова, она была задекорирована под огромный торт, украшена свечами и усыпана рождественскими блёстками и

серпантином. Фани сидела, курила, смотрела на эту машину смерти и думала о том, что ей завтра предстоит сделать.

Она уже заказала праздничную упряжку и глухонемого, давно ей знакомого турецкого мальчишку, который по праздникам развозил подарки по всему Стамбулу. Разумеется, за хорошую плату. В этот раз она заплатила ему три цены в турецких лирах за доставку торта. Этот символ Рождества, вечной жизни и счастья должен был прибыть по адресу за несколько минут до полуночи. А смертельный механизм был заведён ровно на двенадцать часов.

Фани сидела, курила одну за другой папиросы и думала о том, что, в сущности, одинаково ненавидит как этих людей в царской военной форме, так и тех, что сейчас пришли к власти в России. Она хорошо помнила, как черносотенцы точно в такой же форме сожгли их еврейскую слободку и её дом, в котором заживо сгорела её младшая сестрёнка. И до сих пор стоял перед её глазами полыхающий в бочке с бензином труп несчастной, невинной женщины, которую постигла такая ужасная смерть.

В Сочельник, ровно в одиннадцать за ней заехал франтоватый помощник генерала подполковник Бриль и на роскошном форде доставил Фани к особняку Эвельгрена. Когда она вошла в особняк, бал был в полном разгаре. Сотни свечей освещали колоннаду и огромный зал, где уже кружились пары.

Лакеи в униформе и белых перчатках разносили подносы с шампанским, играл русский оркестр, звенел смех, и у неё было ощущение, что за окном не пальмы и вечно цветущие рододендроны, а глубокие сугробы и сосны, укрытые белым русским снегом. «Как саваном», – подумала она.

Генерал встретил её сам, познакомил со своей свитой. «Моя жена, как все вы, женщины, немного опаздывает, последний, знаете ли, штрих к прекрасной картине. Вот и она!». Сквозь скользящие по паркету тени танцующих, неверный свет свечей, виртуозных лакеев из противоположного конца зала шла женщина.

Фани сразу узнала её по уверенной поступи королевы бала и характерной, только ей присущей улыбке, которой она благосклонно одаривала окружающих. Это была её любимая подруга – Екатерина Ставская. Сердце Фани сначала остановилось, а потом стало биться, будто запертая навсегда птица. «Лишь бы она меня не узнала, а потом я как-нибудь вызволю её из этой мышеловки!», – лихорадочно думала она.

Как раз в это время и подъехал её глухонемой помощник с праздничным тортом. Эвельгрэн представил женщин друг другу: «Я думаю, милая, вам будет о чём поговорить с госпожой Дюпре», – генерал поцеловал Екатерину и откланялся.

«Пойдёмте в курительную комнату, – предложила Екатерина, там не слышно музыки и нам никто не мешает». Они молча закурили. «Кажется, не узнала», – облегчённо подумала Фани. Женщины долго молчали.

– Ну, что, Фани, – завибрировало, задрожало от волнения контральто Екатерины, – ты думала, я тебя не узнаю?! Посмотри на свои запястья, – и она подняла браслеты на стёртых кандалами руках Фейги, – а голос, походка?

– Катя! Выслушай...

– Не перебивай и не оправдывайся! Ведь это я тогда заставила Дмитрия позвонить брату. Помнишь, по телефону я говорила тебе, что встретила, наконец, свою судьбу, свою первую и настоящую любовь в жизни? Он единственный, порядочный, умный и добрый человек среди всего этого сброда. Ты пришла за ним, я знаю. Прекрасно понимаю, кто тебя выпустил из России и почему ты сегодня здесь, в нашем доме.

По аплодисментам и шуму в зале Фейга поняла, что торт уже водрузили на стол в центре зала. До взрыва оставалось несколько минут. Фани встала на колени:

– Прости меня, Катя! Но у них в заложницах осталась моя маленькая дочь! Давай уйдём отсюда, сейчас всё будет кончено, – она зарыдала в голос, – я тебя умоляю!!!

– Встань, подруга. Давай хоть простимся по-человечески. Катя помогла Фани подняться с пола, спокойно достала платок и вытерла ей глаза.

– Я буду с ним до конца, и если суждено нам уйти, то лучше вместе. Не поминай меня лихом, Фани и будь счастлива.

Екатерина медленно, трижды перекрестила её, поцеловала и ушла. Ударили куранты. Всё, время вышло! Фейга выбежала через чёрный ход, именно здесь дожидался её глухонемой, невольный помощник. «Гони на вокзал!», – крикнула она ему, и тут же, за их спиной раздался взрыв чудовищной силы. Ударной волной пролётку чуть не сбросило в овраг.

Фани заранее купила билет на Восточный экспресс до Парижа, вещи тоже уже были в пролётке и, буквально за несколько минут до отхода поезда, глухонемой мальчишка помог ей сесть в вагон – люкс.

Фани не заметила, как уснула тяжёлым обморочным сном. Она словно провалилась в глубокую чёрную яму, на дне которой сидела на корточках абсолютно нагая Катя и бесчисленное количество уродливых летучих мышей копошилось на её нагом, белом теле, обвивали шею, путались в роскошных длинных волосах, безобразно ссорились между собой и мерзко визжали от восторга. Фани от ужаса приходила в себя, кричала и снова впадала в беспамятство. Восточный экспресс уже миновал Мюнхен, Вену, Бухарест и, когда до Парижа оставалось несколько часов, проводник вызвал дежурившего в поезде доктора, и по его совету на парижском вокзале Фани ждала карета «Скорой помощи».

Глава седьмая

Её доставили в клинику Амбруаза Паре и поместили в специальное неврологическое отделение. Она провела там почти год. Лучшие специалисты города осматривали эту «спящую русскую», – так её здесь прозвали. Мнения были совсем разные, но все были едины в том, что это последствия контузии или травмы головы и тяжелейшего нервного срыва, а сон – это защитная реакция организма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.